

Хань-вынь-ци Мынь. Китайская Грамматика, сочиненная монахомъ Іакинѡмъ. Напечатанная по Высочайшему повелѣнію. Спб. въ литографіи Гемильяна, 1838 г., въ 4, XXII и 237 стр.

OCR Бычков М. Н.

<http://az.lib.ru>

Почетное мѣсто занимаетъ между литераторами Русскими почтенный о. Іакинѡ, и безспорно, первое между ориенталистами Русскими по своимъ практическимъ и полезнымъ трудамъ. Отнюдь не думаемъ мы унижать нашими словами другихъ почтенныхъ людей, занимающихся у насъ Востокомъ и его языками и литературами, каковы г-да Френъ, Шмидтъ, Ковалевскій, Сенковскій, и другіе. Но никто изъ нихъ донынѣ не показалъ однакожъ болѣе трудолюбія по своему предмету, не приготовилъ столько матеріаловъ для другихъ по своей части, не передалъ столько любопытнаго изъ того, что сдѣлалось ему извѣстно. Донынѣ издано о. Іакинѡмъ около девяти переводовъ и сочиненій, касательно Китайскаго востока. Сюда принадлежатъ его *Записки о Монголіи* (путешествіе изъ Пекина до Кяхты, описаніе и исторія Монголіи); *Исторія первыхъ четырехъ Хановъ Монголіи*, начиная съ Темудзина; *Исторія Тибета и Хухунора*; *Историческое обозрѣніе Ойратовъ, или Калмыковъ*; *Описаніе Чжунгаріи* (Зюнгоріи) *и Восточнаго Туркистана*; *Планъ и описаніе Пекина*; наконецъ *Троесловіе*, элементарная книга Китайцевъ. Не говоримъ о полемическихъ сочиненіяхъ нашего хиолога, по поводу споровъ съ разными Европейскими учеными; не говоримъ и о приготовляемомъ, и уже конченномъ въ рукописи обширномъ сочиненіи, которое надобно почестъ самымъ лучшимъ и подробнымъ, систематическимъ описаніемъ Китая, и энциклопедіею, такъ сказать, всѣхъ знаній Китайцевъ. Это сочиненіе, когда будетъ оно издано, безъ сомнѣнія, превзойдетъ все, что только было донынѣ извѣстно въ Европѣ касательно Китая.

Обращаясь къ новому, только что изданному теперь о. Іакинѡмъ труду, его Китайской Грамматикѣ, скажемъ, что сочиненіе это не уступаетъ важностью другимъ трудамъ нашего почтеннаго литератора, и проливаетъ совершенно новый и ясный свѣтъ на предметъ малоизвѣстный, и до сихъ поръ ложно представляемый, отличаясь своею ясностью, краткостью, систематикою, и полнымъ и совершеннымъ познаніемъ дѣла, отъ всего, что донынѣ было писано о Китайскомъ языкѣ и его грамматикѣ.

Если съ одной стороны, надобно изумляться многообъемлемости знаній человѣческихъ, то съ другой не менѣе изумительны ограниченность и односторонность нашего частнаго ученія. Увлекаясь какимъ нибудь однимъ предметомъ, какимъ нибудь однимъ занятіемъ, мы до того пренебрегаемъ все остальное, что ученое невѣжество наше становится иногда истинно смѣшнымъ. Исключительность ученія вашего производитъ гордое презрѣніе къ тому, чего мы не знаемъ, вредитъ общему просвѣщенію и образованію нашему, и благодаря тому и другому, до сихъ поръ поддерживается въ свѣтѣ несчастное повѣрье и присловіе: *наука долга, а жизнь коротка*. Наука долга и коротка, смотря по тому, какъ мы глядимъ на нее; долга она, если каждое знаніе постараемся мы знать до возможныхъ подробностей, и коротка, если званіе наше ограничимъ мы главнымъ, общимъ, существеннымъ. Намъ возразятъ, что такое знаніе недостаточно, поверхностно, но достаточнѣе-ли его совершенное незнаніе? Что касается до обвиненія въ поверхности, то едва ли будетъ оно справедливо въ семъ случаѣ. Возьмемъ въ примѣръ языкоученіе: можно рѣшительно выучиться всякому языку въ годъ, такъ чтобы читать и понимать все, писанное на немъ, и -- жизни человѣческой не достанетъ на изученіе даже своего роднаго языка, которымъ говоримъ мы съ малолѣтства! Но должно ли назвать "поверхностнымъ" знаніе того или другаго языка, если я, вполне понимая писанное на немъ, умѣю передать сокровища его на свой языкъ, зная грамматическія основанія его, не могу писать на этомъ языкѣ, не могу отдать отчета въ его исторіи, филологическихъ трудностяхъ, палеографической лѣтописи? Обратимъ нашъ примѣръ къ другому, и спросимъ: не долженъ-ли, на примѣръ, поэтъ знать главныхъ основаній естествознанія, или филологъ математики? Незнаніе самыхъ главныхъ основаній того и другаго не сдѣлаетъ-ли идеи ихъ неполными, мыслей сбивчивыми и ложными? Но такъ водится обыкновенно въ свѣтѣ, и наши поэты увѣряютъ, что имъ для поэзіи вовсе нѣтъ надобности вѣдать великія тайны природы, а филологи говорятъ, что математика есть наука, иссушающая душу. За то ученые мстятъ имъ совершеннымъ презрѣніемъ съ своей стороны, хотя математикъ является не менѣе забавенъ, ограничиваясь только плюсами и минусами, а зоологъ не восходя далѣе копытъ и зубовъ четвероногаго. Какъ будто нарочно, каждый путается послѣ сего въ мелкой дробі своего познанія, клеитъ частныя системы, загораживается отъ другихъ ученою номенклатурою, и дѣйствительно, каждая наука, изъ яснаго, чистаго простаго вѣдѣнія дѣлается